

УДК 294.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542

Религиозный фактор и этническая идентичность калмыков после 1771 года

Кеемя Владимировна Орлова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

ORCID: 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена религиозному состоянию и идентичности калмыков после ухода их части в 1771 г. в Джунгарию. Это событие и его последствия получили широкое освещение и оценку в современной калмыцкой историографии. Грандиозный исход не дал ожидаемых результатов: мечты о возрождении ханства оказались иллюзией, а народ оказался расколотым: одна часть оказалась на территории Китая, а другая — в России. *Цель статьи* — рассмотреть изменения в конфессиональной ситуации у калмыков после 1771 г. в свете вопроса этнической идентичности. *Материалы.* Проанализированы основные законодательные изменения в отношении буддийской церкви, освещены факторы сохранения идентичности. После исхода калмыков российские власти особенно внимательно стали наблюдать за положением буддийской церкви, ее численностью, а также за количеством калмыцких духовных лиц, их влиянием на жизнь как всего калмыцкого общества, так и каждого калмыка. *Результаты.* Показано, что власти понимали и учитывали, что религия — это реальная социокультурная составляющая идентичности.

Ключевые слова: калмыки, ойраты, буддизм, Лама калмыцкого народа, идентичность, хурулы, христиане

Благодарности. Работа подготовлена по проекту КалмНЦ РАН при финансовой поддержке объединенной программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

Для цитирования: Орлова К. В. Религиозный фактор и этническая идентичность калмыков после 1771 года. Монголоведение. 2019; (3): 531-542. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542.

Kalmyks after the Year 1771: the Religious Factor and Ethnic Identity

Keemya V. Orlova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article deals with the religious affairs and identity of the Kalmyks after the 1771 Exodus to Dzungaria. This event and its consequences have been comprehensively examined and evaluated by modern Kalmyk historiography. The grandiose exodus yielded no expected results: dreams to revive of the Dzungar Khanate proved an illusion, and the nation became split between China and Russia. *Goals.* The paper seeks to investigate the changes in confessional affairs of the Kalmyks subsequent to the year 1771 – from the perspective of ethnic identity. *Materials.* The work analyzes most essential legal changes towards the Buddhist church, reveals factors to have facilitated the preservation of identity. After the Kalmyk Exodus, the Russian Government put the Buddhist church under strict control, paying special attention to its size and numbers of Kalmyk clergymen, their influence on the whole of Kalmyk society – and each Kalmyk individually. *Results.* It is shown that the authorities actually understood and recognized religion as a socio-cultural element of identity.

Keywords: Kalmyks, Oirats, Buddhism, Lama of the Kalmyk People, identity, *khurul*, Christians

Acknowledgements. The reported work was prepared under the project by Kalmyk Scientific Center of the RAS, funded with financial support from the Fundamental Research Program of the Bureau of the RAS – ‘Sustainable Development and Ensuring of Russia’s Strategic Breakthrough: Socio-Humanitarian Aspects’ (subprogram ‘Culturally Complex Societies: Understanding and Controlling’).

For citation: Orlova K.V. Kalmyks after the Year 1771: the Religious Factor and Ethnic Identity. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 531-542. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542.

Введение

1771 год — трагический год в истории калмыков. После векового пребывания в России часть калмыков во главе с наместником Калмыцкого ханства вернулась на свои исконные земли. Это событие и его последствия получили широкое освещение и оценку в современной калмыцкой историографии [Дорджиева 2002; Колесник 2003; и др.]. Однако грандиозный исход не дал ожидаемых результатов:

мечты о возрождении ханства в Джунгарии оказались иллюзией, а народ оказался расколотым. Печальная участь постигла прибывших в Китай калмыков: одну группу отправили в Тарбагатайский округ Джунгарии, через некоторое время (1773 г.) они оказались в Карашарском округе Восточного Туркестана, основное население которого составляли мусульмане [Санчилов 1990: 100, 106]; других поселили в 600 км от Тарбагатая; третьих отправили в Урумчинский округ [Санчилов 1990: 107–108]. Все прежние титулы и звания ойратских князей отменили, на прибывших калмыков распространили ту же систему административного и военного устройства, которая в Цинской империи уже существовала, — хошунную (систему «знамен»).

Тем временем в низовьях Волги своим рескриптом Екатерина II упразднила Калмыцкое ханство — соответственно, значительно сократилась территория кочевания, резко упало поголовье скота, затормозилось развитие новых форм хозяйствования, калмыки в своем большинстве остались без владельцев. Перед российским правительством встала задача не допустить повторного исхода оставшихся калмыков, а главное — подсчитать тех, кто не ушел, и решить, что с ними дальше делать.

Согласно данным калмыцких исследователей, в 1720 г. население Калмыцкого ханства исчислялось примерно 55 тыс. кибиток [Калмыки 2010: 49]. Цифра относительно условная, поскольку чиновники традиционно вели подсчет, исходя из: одна кибитка — четыре человека. После ухода численность калмыков незначительно варьируется: 11 258 кибиток [Батмаев 1993: 365]; по подсчетам министерства государственных имуществ — 13 тыс. кибиток, нойонов же — всего 13 человек [Историческое обозрение 1888: 157]. Более достоверные данные приводятся по первой российской переписи (1897 г.) — 143 191 человек [История Калмыкии 2009: 528].

На территории России остались калмыки дербетовских улусов, а также находившиеся вне юрисдикции группы донских, ставропольских, терских и других калмыков. Населению торгутского Эркетеневского улуса и других мелких групп калмыков не дали уйти и вернули на прежнее место кочевания. Икицохуровские улусы владельцев Асархо и Маши вернулись уже после перехода через Яик [История Калмыкии 2009: 428]. Кроме них, не ушли оставшиеся на

полях сражений еще шедшей русско-турецкой войны (1768–1774), из нойонов — Теке, Яндык и Замьян, князь А. Дондуков. Перед российским правительством встала важнейшая дилемма: что делать с оставшимися калмыками, в том числе с оставшимися без владельцев, отставшими во время откочевки. Астраханский губернатор временно назначил своим помощником и главой над калмыками крещеного князя А. Дондукова. Однако его назначение вызвало глухое раздражение среди населения, ибо было воспринято как намерение властей продолжить политику христианизации.

Основная часть

После исхода калмыков власти особенно внимательно стали наблюдать за положением буддийской церкви, ее численностью, а также за количеством калмыцких духовных лиц, их влиянием на жизнь как всего калмыцкого общества, так и каждого калмыка. Правительство было прекрасно осведомлено об активной роли верхушки калмыцкого духовенства в откочевке, особенно его главы — ламы Лоузанг-Джалчина [Дорджиева 1995: 63, 213].

Принятие законодательных актов в 1825, 1834 и 1847 гг. обусловили проведение административной реформы в калмыцких степях. Пристальное внимание было уделено буддийской сангхе. Однако «Правила для управления калмыцким народом» (1825) не внесли существенных изменений в положение буддийской церкви, за исключением одного — Ламу калмыцкого народа включили в состав Комиссии калмыцких дел (ККД). ККД вменялось собирать сведения о состоянии хурулов и калмыцкого духовенства, списки представителей высшего духовенства, *«сведения об отношении владельцев к духовенству, о степени власти духовенства и их обязанности, влиянии их на дела народа, на владельцев, зайсангов и простолюдинов»* [ПСЗРИ 1830: § 27–28]. Духовенству вменялось решать исключительно духовные дела, не допускалось вмешиваться в светские, кроме разбирательств между супругами и родителями и детьми [ПСЗРИ 1830: § 38; 161, § 56]. Правила 1825 г. таким образом значительно сузили сферу деятельности Ламы калмыцкого народа.

Согласно принятому в 1834 г. «Положению об управлении калмыцким народом» [ПСЗРИ 1835: № 7560], духовная власть передавалась образованному Ламайскому духовному правлению

(далее — ЛДП), куда входили Лама калмыцкого народа и четыре члена, избираемые из числа бакшей или монахов-гелюнгов на три года, они обеспечивались государственным содержанием и, по представлению главного пристава, утверждались астраханским губернатором [ПСЗРИ 1835: § 10, 17]. Лама калмыцкого народа объявлялся быть предельно лояльным местной и центральной властям, а как духовное лицо обладать влиянием и авторитетом среди своих соплеменников. ЛДП наделялось правом рассматривать семейные дела, им вменялось наблюдение за духовными лицами, которым без письменного разрешения не позволялось покидать хурулы. ЛДП имело право только присваивать и утверждать духовные звания и степени, собирать сведения о каждом хуруле и его служителях, о доходах каждого хурула и духовных лиц, «о всех вообще сделанных этим лицам и хурулам приношениях» [ПСЗРИ 1835: § 116, 120]. Таким образом, в результате принятия Положения 1834 г. вся деятельность буддийского духовенства оказалась под строгим контролем властей. Оно было отстранено от ведения светских дел, под контролем оказались доходы хурулов. Особенно важно то, что Лама и члены ЛДП были переведены на государственное содержание, утверждались местной властью, соответственно и решения, принятые ЛДП, исполнялись лишь при поддержке Совета калмыцкого управления, астраханским губернатором и министерством внутренних дел.

Завершающим этапом в обеспечении государством полного контроля за буддийской сангхой калмыков стало принятие в 1847 г. нового «Положения об управлении калмыцким народом». В соответствии с ним ЛДП как коллегиальный духовно-административный орган ликвидировался, а его функции передавались Ламе калмыцкого народа [ПСЗРИ 1847: ст. 101]. По данному Положению должность Ламы калмыцкого народа стала штатной единицей в Управлении калмыцким народом, куда входили письмоводитель (как правило, русский чиновник) и переводчик. Избираемый из среды бакшей больших хурулов Лама по представлению министра внутренних дел утверждался высочайшим указом. В обязанности ему вменялось благоустройство и содержание хурулов, нравственное состояние паствы и духовенства, присвоение духовных степеней и разрешение брачных дел. Существенным дополнением в данном Положении, не

зафиксированным ни в Правилах 1825 г., ни в Положении 1834 г., стало обязательство Ламы в присутственных местах с должностными лицами вести переговоры на «российском языке» с переводом на калмыцкий [ПСЗРИ 1847: ст. 185, 189, 190]. Духовные дела распределялись между Палатой государственных имуществ и Ламой [ПСЗРИ 1847: ст. 203]. В обязанности Ламы входило наблюдение за всеми хурулами и «нравственным состоянием» духовенства. Он имел право переводить духовных лиц из низших степеней в высшие. Если имелось увольнительное свидетельство от улусных попечителей, которое подтверждалось Палатой государственных имуществ, то он мог принимать светских лиц в духовное сословие, а также исключать из него, лишать духовного сана, при этом обязательным было уведомление главного попечителя об изменении численности духовных лиц [ПСЗРИ 1847: № 21144, ст. 210–212]. Формально официальный статус Ламы повышался, но реально он оказывался в непосредственном подчинении центральной власти.

Палате государственных имуществ вменялось следить за количеством хурулов и духовенства, чтобы их численность не превышала штатного расписания, предусмотренного Положением 1847 г.: 67 хурулов и 1 656 духовных лиц. Даже эти мероприятия правительства вызывали недовольство со стороны православной церкви, они считали, что меры по ограничению активности буддийского духовенства недостаточны. Так, один из видных церковных деятелей архимандрит Гурий (Степанов) считал, что вероисповедные законы (Положение 1834 г. и Положение 1847 г.) способствовали возвышению религии калмыков.

Однако такие обвинения в адрес правительства не имели оснований. За ними стоит лишь желание понизить роль и значение буддийских духовных лиц, устанавливался жесткий контроль над калмыцким духовенством со стороны властей. В результате принятия данных законов значительно сократилась численность духовенства и хурулов, строго регламентировались строительство новых и ремонт старых хурулов [Дорджиева 1995: 50–52, 55, 65].

Однако буддийская сангха все еще обладала большими кадровыми и материальными средствами, позволявшими ей активно и в то же время негласно противодействовать местной и центральной властям. Несмотря на жесткие требования властей еще большего

сокращения численности буддийского духовенства, в ноябре 1836 г. ЛДП запросило разрешение определять духовных лиц не по числу хурулов, а по количеству населения: «на 200 кибиток при одном хуруле 50 духовных лиц: гелюнгов 25, гецулей 10, манджиков — 15», оговаривая возраст — *«не очень стар и не очень млад»* [НА РК Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 4]. Хотя еще в 1802 г., по сведениям главного пристава Н. И. Страхова, численность калмыцкого духовенства в начале XIX в. составляла 1 546 человек, он предложил при каждом хуруле установить штат в 100 духовных лиц (25 гелюнгов, 25 гецулей и 50 манджиков), оставшихся сверх штата перевести в светское состояние, запретить семьям калмыков отдавать одного из сыновей в хурул, а владельцам — своих подвластных в шабинеры [Страхов 1810: 18–20]. Зачастую для отвода глаз царских чиновников хурулы закрывались на бумаге, а на самом деле продолжали функционировать. Так произошло с монастырем Раши Лхунбо, который *«на протяжении 50-ти лет (с 1856 по 1906 гг.) считался закрытым, хотя продолжал функционировать»* [Калмыки 2010: 413].

Действительно, соотношение количества буддийских и православных духовных лиц было явно не в пользу последних. Так, в Большедербетовском улусе на 10 тысяч православного населения приходилось не более 15 священников, тогда как на то же число калмыков-буддистов — 133 лам, т. е. в 7,5 раз больше [КЕВ 1881: 16–25]. Такие же данные приводит и Н. Кутепов: *«У донских калмыков 14 хурулов, а у православных в Сальском округе 5 храмов. Калмыки при кочевании отстают от хурулов на 20 верст, а русские храм свой имеют за 40, 50 и даже более верст»* [Кутепов 1891: 111–115].

Астраханские калмыки в 1 895 г. имели 23 больших и 42 малых хурула, в них 1 645 духовных лиц. Крещеных же калмыков за этот же год по станам (Ноин-Шире, Чилгир, Улан-Эрге) и уездам Астраханской губернии (Астраханский, Красноярский, Енотаевский) 951 человек, некрещеных — 140 тысяч [АЕВ 1897: 282–283].

Лояльность российского правительства по отношению к буддистам-калмыкам вполне объяснима. Явное сокращение численности калмыцкого духовенства и хурулов вызвало бы раздражение буддийского мира — Тибета, Монголии, Китая, единоверцев из Бурятии, несмотря на то, что после 1771 г. калмыков не только не отправляли на учебу в тибетские и монгольские монастыри, но и не разрешали

совершать паломничества. Кроме того, правительство имело свои планы относительно буддийской религиозной организации и духовенства — поставить их себе на службу в достижении собственных интересов не только внутривластных, но и внешнеполитических. Законы 1834 г. и 1847 г., с одной стороны, были направлены на усиление контроля над калмыцким духовенством, с другой — на то, чтобы иметь в его лице союзника.

Власти в действительности понимали, что религия — это реальная социокультурная составляющая идентичности. Неслучайно поэтому систематически запрашивались сведения о национальных обрядах, а именно: *«какие духовные обряды совершаются для духовной веры; какие обряды проводятся при погребении, рождении ребенка, браках, какие праздники проводятся»* [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 23. Л. 2], т. е. власть, по сути, осознавала необходимость практических знаний о культуре народа. Вполне логично, что в калмыцкие степи регулярно отправлялись ученые, студенты, миссионеры, священники, которые проводили исследования быта, обычаев и традиций калмыков и оставили заметки, статьи. Суть всех публикаций можно обобщить следующими словами А. А. Бобровникова: *«Калмык думает, что перестанет быть калмыком, когда отстанет от своих древних суеверий и привычек...»* [Бобровников 1865: 499].

Немаловажную роль в этнической идентичности калмыков сыграла ойратская письменность, которую с собой в степи Поволжья принесли ойраты и продолжили развивать калмыки. Переводческая и просветительская деятельность не прекращалась и на новой территории обитания. Буддийские проповедники, несмотря на сложные сентенции или догмы переводных трактатов, старались доходчиво излагать заложенные в них этические, правовые положения. Калмыцкие священнослужители, как *«прямые предшественники и генераторы идей»* [Оглаев 2005: 12] вели активную общественную деятельность, пропагандировали свободу вероисповедания, стремились к основанию национальных школ. Благодаря их самоотверженному труду создавались буддийские школы, сочинялись и переводились новые сочинения, публиковались путевые заметки об их путешествиях в Тибет и Монголию. Так, сочинение багши Дунду хурула Бааза Менкеджуева (1846–1904) положило начало жанру хождений. В своем родовом хуруле он занимался изучением

тибетской медицины, которое пригодились во время путешествия в «*страну Тибет*», «*до которой 135 лет никто не ходил*» (цит. по: [Дорджиева 2012: 86]). После Бааза-багши такие длительные и нелегкие путешествия совершали П.-О. Джунгруев, Л. Арлуев, Д. Ульянов.

Немаловажным фактором сохранения идентичности калмыков было поклонение святым местам. Приход в Поволжье калмыков лишил их традиционных культовых мест, на новой территории необходимо было адаптировать прежние сакральные объекты и сохранить незримую связь с прежним отечеством, пусть даже и на огромном расстоянии друг от друга, т. е. «*частичное перенесение сакрального предмета (земли с горы) ... символизировало освящение нового сакрального места по принципу парциальной магии*». Так, считается, что священную гору Богдо калмыки «*перенесли*» и установили вблизи озера Баскунчак, и на новой территории обитания поклонялись и до сих пор поклоняются ей как святыне [Бакаева 2003: 207].

Заключение

Исход калмыков не повлиял на их религиозную и этническую идентичность, хотя большая их часть и покинула пределы новой родины и оставшиеся должны были раствориться. Заложенный код памяти, глубокое проникновение буддизма помогли устоять калмыкам. На ойратской письменности, уже на новой родине имевшейся старокалмыцкой, создавались оригинальные сочинения, переводились трактаты с тибетского и монгольского языков. Особенно распространенным оказался жанр хождений, памятники которого составлялись известнейшими калмыцкими паломниками, монахами. Эти писания читались, изучались в монастырях, распространялись среди верующих. Устояться религиозной и этнической идентичности калмыков помогло и сохранение монастырей, святых мест, которые были приспособлены и аккомодированы на территории проживания оставшейся части населения.

Источники

ПСЗРИ 1830 — Высочайше утвержденные Правила для управления калмыцкого народа // ПСЗРИ, собрание 1: с 1648 г. по 12.12.1825 г.

- Т. 40, отд. 2. № 30290, марта 10, 1825 г. СПб.: Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 155–161.
- ПСЗРИ 1835 — Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом // ПСЗРИ. собрание 2. 1830–1855. Т. 10. Отд. 2. № 7560. Прибавление к Т. 9, ноября 24, 1835 г. СПб.: Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1835. С. 18–40.
- ПСЗРИ 1847 — Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом // ПСЗРИ, собрание 2. 1830–1855. Т. 22. № 21144. Отд. 2, апреля 23, 1847. СПб.: Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1847. С. 349–372.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Sources

- NA RK — National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Imperially Approved Regulations for Governance over the Kalmyk People. In: [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2: 1830–1855. Vol. 10, part 2, no. 7560. Supplement to vol. 9: November 24, 1835. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1835. Pp. 18–40. (In Russ.)
- Imperially Approved Regulations for Governance over the Kalmyk People. In: [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2: 1830–1855. Vol. 22, part 2, no. 21144: April 23, 1847. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1847. Pp. 349–372. (In Russ.)
- Imperially Approved Rules for the Administration of the Kalmyk People. In: [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1: 1648 to December 12, 1825. Vol. 40, part 2, no. 30290: March 10, 1825. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Pp. 155–161. (In Russ.)

Литература

- АЕВ 1897 — Астраханские епархиальные ведомости. 1897. № 7–8. С. 282–283.
- Бакаева 2003 — Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х книгах. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Бобровников 1865 — Бобровников А. А. Очерк религиозного состояния калмыков // Православный собеседник. 1865. Т. 17, № 8. С. 401–510.
- Дорджиева 1995 — Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской

- империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.
- Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
- Дорджиева 2012 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX в.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.
- Историческое обозрение 1888 — Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. II. Попечительство. Поземельное устройство. СПб.: Министерство гос. имуществ, 1888. 26 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- КЕВ 1881 — Кавказские епархиальные ведомости. 1881. № 1. С. 16–25.
- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье калмыков. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Кутенов 1891 — *Кутенов Н.* О языческих капищах, или хурулах донских калмыков // Донские епархиальные ведомости. 1891. № 3. С. 111–113.
- Оглаев 2005 — *Оглаев Ю. О.* Первые шаги высшего образования в Калмыкии (1920–1943). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. 179 с.
- Санчилов 1990 — *Санчилов В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука; ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц, песни Савардин. Соч. и издал Н. Страхов. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

References

- [History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. Vol. I. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- [Ministry of State Property: a Historical Review of the Fifty Years of Work (1837–1887)]. Vol. II: Patronage (of State-Owned Peasants). Management of (State-Owned) Lands. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1888. 26 p. (In Russ.)
- [The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)

- Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1897. No. 7–8. Pp. 282–283. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [Pre-Buddhist Beliefs of the Kalmyks]. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. [Kalmyks in the 17th – 18th Centuries: Events, People, Everyday Life]. In 2 parts. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. An essay on religious affairs of the Kalmyks. *Pravoslavnyi sobesednik*. 1865. Vol. 17, no. 8. Pp. 401–510. (In Russ.)
- Dordzhieva E. V. [The 1771 Kalmyk Exodus to China]. Rostov-on-Don: North Caucasus University Education Research Center, 2002. 210 p. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. [Buddhism and Christianity in Kalmykia: Analysis of Religious Policies Pursued by the Russian Imperial Government (Mid-17th – Early 20th Centuries)]. Elista: Dzhangar, 1995. 126 p. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. [Kalmykia's Buddhism in Confessional Policies of the Russian State: Mid-17th – Early 20th Centuries]. Elista: Kalmyk State University, 2012. 203 p. (In Russ.)
- Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti*. 1881. No 1. Pp. 16–25. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. [The Last Great Migration of Kalmyk Nomads: a Relocation of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Their Way Back in the 17th and 18th Centuries]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)
- Kutepov N. About pagan shrines, or khuruls, of the Don Kalmyks. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1891. No. 3. Pp. 111–113. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. [The First Steps of University Education in Kalmykia: 1920–1943]. Elista: Kalmyk State University, 2005. 179 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. ['Ilethkel Shastir' as a Source on Oirat History]. Moscow: Nauka; GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Strakhov N. I. [(Description of) the Present-Day Conditions of the Kalmyk People, Supplemented with (Texts of) Kalmyk Laws and Judicial Proceedings, Ten Precepts of Their Religion, a Prayer, a Morality Novel, a Fairy Tale, Proverbs and 'Savardin' Song]. N. Strakhov (comp.). St. Petersburg: Schnor, 1810. 97 p. (In Russ.)